

Тотъ же антиномизмъ въ христіанствѣ можетъ быть показанъ и на вопросѣ относительно семьи и половой любви. Велѣніе оставить все и слѣдовать за Христомъ не мирится ни съ какими земными привязанностями, для него надо „возненавидѣть“ отца, мать, жену, дѣтей. Но, рядомъ съ этимъ, не говоря уже о бракѣ въ Канѣ Галилейской и о церковномъ таинствѣ брака, не говоря о новыхъ подтвержденіяхъ строгости, а, стало быть, и святости брака въ Нагорной проповѣди и въ ученіи о бракѣ апостольскихъ посланій, какъ много во всемъ Новомъ Завѣтѣ просто бытового уваженія къ семьѣ, любви къ дѣтямъ, теплаго участія къ семейной радости и скорби. Поэтому съ одинакимъ основаніемъ могла бы опираться на Евангеліе и монашеская безразличность къ браку (которую на все христіанство распространяетъ Розановъ), и апоѳеозъ брака какъ образа великой мистической тайны—союза Христа и Церкви. Въ дѣйствительности въ христіанствѣ есть то и другое, и ап. Павелъ, подавая совѣтъ вступленія въ бракъ, присовокупляетъ однако, что „имѣющіе женъ должны быть какъ не имѣющіе, и плачущіе какъ не плачущіе, и радующіеся какъ не радующіеся, и покупающіе какъ не приобретающіе, и пользующіеся міромъ симъ какъ не пользующіеся, ибо переходитъ образъ міра сего“ (I Кор. 7 29—31). Этотъ текстъ очень хорошо характеризуетъ основной антиномизмъ христіанской жизни, тотъ жизненный синтезъ временнаго и вѣвременнонаго, исторіи и вѣчности, который непрерывно творится въ душѣ, но не можетъ быть рационализированъ¹⁾ въ терминахъ дискурсивнаго, „евклидоваго“ мышленія.

Поэтому христіанство оказывается съ одной стороны проповѣдью полного выхода изъ міра, выступленія изъ временности съ отказомъ отъ всякаго земнаго званія, а съ другой—оно призываетъ cadaго „оставаться *предъ Богомъ* въ томъ званіи, въ которомъ призванъ“ (I Кор. 7 20—24), т. е. оно этизируетъ земное

если бы я, не желая самъ пьянствовать, сталъ бы раздавать имѣющееся у меня вино желающимъ, — но и отрицаніемъ всякой отвѣтственности передъ своимъ имуществомъ, или этики богатства. Здѣсь, какъ и во многихъ случаяхъ, подъ личиной евангельской морали, скрывается нигилизмъ опрошенства. О христіанской этикѣ богатства ср. нашъ очеркъ: „Народное хозяйство и религіозная личность“ (въ сборникѣ *Два града*, т. I).

1) Мнѣ уже приходилось съ другой стороны подходить къ этой антиноміи: ср. очеркъ „Апокалиптика и социализмъ“ (*Два града*, т. II).